

Центное
Солідное фонет. исследование.

Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам.

Н. Н. Поппе.

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 9 апреля 1924 года).

IV¹.

Г Л А С Н Ы Е.

Долгие и краткие гласные первого слога.

§ 24. Вопрос о долгих гласных в турецких языках принадлежит к наиболее сложным. В. В. Радлов вообще не признавал возможным, чтобы в пра-языке могли существовать от природы долгие гласные, и все долгие гласные он считал результатом стяжения двух гласных по исчезновении отделявших их согласных, возводя формы, как Як. āt «имя» к форме, близкой к ait- «говорить», Як. ūs «род» к *ulus (= монг.) «народ», Як. būt «бедро» к *bult (срв. монг. bulčın «икры») и т. д.²

Действительно, турецкие долгие гласные, в том числе и якутские гласные и дифтонги, часто восходят к комплексам гласн. + *y* + гласн. и т. д., но все же, за вычетом последних, остается много случаев, когда якутскому долговому гласному во всех языках соответствует краткий и когда невозможно установить, исчез ли здесь какой-нибудь согласный.

Böhtlingk до В. В. Радлова вполне правильно заметил соответствие якутск. дифтонгов *iä*, *uo*, *üö* и т. д. Нижегородск. Мишерским долгим *ä*, *ö*, *ō* и т. д., напр. Як. *biäs* «пять» ≠ Н. *bīsh*, Як. *uot* «огонь» ≠ Н. *ōt id.*, Як. *küöx* «синий» ≠ Н. *kūk id.* и т. д., и в этом отношении подошел ближе, чем другие, к правильному решению вопроса. Böhtlingk крайне

¹ См. ИРАН, 1925 г., стр. 23.

² Phonetik, §§ 102—108.

осторожно подошел к этой проблеме и прекрасно сознавал, что не все якутские долготы первичного происхождения¹, что однако не значило в его глазах, что первичных долгот в якутском языке нет. Что касается, в частности, Як. дифтонга *yo* < **ō*, то Böhlingk как раз возводит его к **ō*, приводя аналогии из ряда европейских языков².

С Böhlingk'ом не соглашался В. В. Радлов³; однако доводы, приводимые им, не убедительны, так как большинство приводимых для этого примеров и этимологий Радлова не верны.

Правильно подметил различие в количественном отношении гласных в якутском и османском, а также соответствия в орхонском К. Фоу⁴, статья которого вызвала возражения со стороны В. В. Радлова, приведенного против теории Фоу'а свои прежние соображения⁵.

Значительно подвинул вперед этот вопрос Grønbach, в то же время несколько запутав его. Дело в том, что Grønbach полагал, что долгие гласные в якутском языке явились результатом стяжения гласных после исчезновения согласного, находившегося между этими гласными. В своих предположениях он заходит еще гораздо дальше В. В. Радлова и возводит якутск. и прочие формы к ничем не обоснованным формам, вроде Як. түүрт «четыре» < **töbärttä*, Як. күүх и Чув. кэвак «синий» < **köbäk* и т. д.⁶ Правило Grønbach'а, что долгие гласные отразились на начальном согласном в чувашском языке, палатализовав его, тоже оказывается не всегда действительным, срв. Як. хās ≠ Чув. хур «гусь», но Як. хān ≠ Чув. јун «кровь».

В последнем случае Grønbach предполагает исчезнувший **j* и возводит Як. хān ≠ чув. јун к **kajan* или **kajan* и т. д.⁷ Зато Grønbach правильно заметил, что следующий за долгим гласным согласный в османском становится звонким, срв. Осм. ац «голод» ≠ Як. āс id., Осм. ад «шмя» ≠ Як. āт id. и т. д.⁸

¹ Über die Sprache der Jakuten, S. 136, 142.

² Op. cit., p. 144.

³ Phonetik, § 106.

⁴ Türkische Vocalstudien. Mitth. d. Semin. für Orient Spr. zu Berlin, III, Abth. 2. Westasiatische Studien. Berlin, 1900, S. 192, 209.

⁵ Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems. Bull. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét. V Sér., Vol. XIV, № 4. Avril 1901, p. 431.

⁶ Forstudier, pp. 88, 91. Kel. Sz. IV, p. 234. Срв. возражения Мелиоранского в Gött. Gel. Anz. 166 Jhg., S. 497.

⁷ Forstudier, p. 97.

⁸ Forstudier, p. 61.

Против таких форм, как Як. түүрт < *töbärttä, выступил Н. Pedersen, справедливо заметивший, что долготы могли явиться не только в результате стяжения; но Pedersen в конце концов оказался неправ, заявляя, что он из якутского Quantitätswechsel не может вывести никаких заключений¹.

Интересную и вполне убедительную теорию о происхождении якутских долгих гласных высказал J. Németh, решительно отказавшийся от теории «стяжения» Grønbach'a и поставивший возникновение якутских долгот в прямую связь с пра-турецкой акцентуацией и указавший на соответствия якутским долгим гласным в чувашском языке. Напрасно только он на основании этого общего признака заключает о бывшем некогда периоде совместного развития якутского и чувашского языков².

С акцентуацией связывает пра-чувашские долготы также Г. И. Рамstedт, согласно которому двойные соответствия турецким гласным в чувашском языке объясняются тем, что ныне качественно различные пары гласных восходят к различно ударенным гласным³.

Итак, относительно турецких долгих гласных имеются теории, которые можно разделить на две категории: 1) теории Радлова и Grønbach'a, возводивших долгие гласные к комплексам гласн. + согласн. (+ гласн.) и 2) теории Böhtlingk'a и Foу'a, считавшихся с пра-языковыми первичными долготами. К последним отчасти примыкают теории Németh'a Г. И. Рамstedта.

Прежде, чем идти дальше, необходимо подробнее остановиться на теории Grønbach'a.

Для турецк. Алт., Осм. и т. д. от «огонь» более древней формой может быть *ōt (срв. Уйг. oot, Як. уот, Чув. вут), ибо для формы с кратким о можно привести более древнюю с долгим (Уйг. oot). Возможно, конечно, что *ōt в свою очередь восходит к еще более древней форме, напр. *owot, *oyot и т. п., но так как таковая нигде не засвидетельствована, идти дальше формы *ōt нельзя, несмотря на аналогию Як. тūs «соль», Чув. тэвар id. и монг. dabusunid., где долгота действительно результат стяжения. Поэтому то, как раз в виду соответствий в самом архаичном языке — языке монгольском форму Як. түүрт «четыре», Чув. тэвадэ id. и Осм. дөрт id. невозможно возвести к *töbärttä, так как в монгольском имеется форма dörben,

¹ Türkische Lautgesetze. ZDMG, 57 Bd., Heft III. Leipzig, 1903, S. 558.

² Die Langen Vokale im Jakutischen. Kel. Sz. XV, S. 161—163.

³ Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, S. 7 ff.

основа *dör-*. Поэтому часто дальше якутских долгот итти нельзя. Последние являются несомненно первичными и пра-языковыми.

Что касается происхождения этих первичных долгих гласных, то, не предрешая пока вопроса о том, обусловлены ли они какими-нибудь явлениями акцентуации или они являются долгими независимо от пра-языкового ударения, они будут рассматриваться здесь просто как пра-языковые долгие гласные. Что они пра-языковые — пра-турецкие и даже до-турецкие, а не специально якутские, как полагал В. В. Радлов, впоследствии заменивший свою теорию «стяжения» другой, согласно которой долгие гласные появились на якутской почве из стремления фонетически обособить однозвучные основы, напр. Як. *āt* «имя» и *at* «конь», во избежание недоразумений на почве однозвучности их¹, каковая теория с лингвистической точки зрения не выдерживает критики, доказывається тем, что якутским долгим и кратким гласным в чувашском языке соответствуют качественно различные гласные, восходящие к количественно различным прототипам.

Итак, по всей вероятности, в до-турецкую эпоху и затем еще в пра-турецком языке имелись долгие гласные, оставившие ясные следы в чувашском языке и сохранившиеся донныне в якутском языке. Следы этих долгих гласных можно проследить и в некоторых других турецких наречиях: в Орхонском и Нижегородском.

§ 25. Турецкому *a* первого слога в чувашском языке соответствуют *y*, *ə* (ə), *ы* (i); в монгольском языке *a*.

Переход **a > y* в чувашском яз. не мог произойти давно: об этом свидетельствуют соответствия в заимствованных в венгерском языке словах, срв. венг. *sár* «болото» < **sjar*, чув. шур *id.* ≠ тур. *sağ id.*; венг. *tar* < *tar* «голый» ≠ тур. Кир. таз «голый» ≠ монг. *taraqai* «шелудивый», тунг. тарака «плешивый»². Булгарские надписи XIV ст. тоже сохранили формы с *a* ≠ чув. *y*, напр. *جال* — *jal* «год» ≠ чув. *сул*, *آيخ* — *ayix* «месяц» ≠ чув. *ујәх id.* Отсюда можно полагать, что переход **a > чув. y* мог завершиться после XIV ст. Этот переход распространяется на все случаи, кроме тех, где *ы* соответствует турецкому *a*.

Переход **a* в *ы* значительно древнее. Замечательно, что в якутском языке в тех же словах тоже наблюдается *ы*, соответствующее турецк. *a*. Grønbach пытался объяснить переход **a > чув. ы* влиянием следующего

¹ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. Зап. Акад. Наук. VIII серия, т. VIII, № 7, стр. 8.

² Gombocz. BTLU, pp. 138 ss.